

Часть первая

Глава 1

Мелкий морозящий дождь, под ногами скользкая жижа из талого снега, глины и собачьих кучек; над головой, протянутый от столба к углу пятиэтажки, болтается на ветру электрический провод. Нервы тоже под напряжением, рука в подвешенном состоянии готова в любой момент нырнуть под куртку, там в кобуре пистолет.

Небо хмурое, настроение серое, предчувствие мрачное, в пальцах правой руки слегка покалывает — аллергия на опасность. Нужно почесать пальцы — о рукоять пистолета, о спусковой крючок, но Павел не спешил братья за оружие, хотя и держал его наготове: кобура уже расстегнута, флажок предохранителя опущен, патрон в стволе. Задача серьезная — разыскать и задержать матерого бандита, но вряд ли Молдаванин прятался в подвале пятиэтажного дома. Раньше он дневал и ночевал в таких качалках, а сейчас в подвалах водится только подрастающая смена, спортивное общество «Бандитские резервы». Контингент сам по себе опасный, но вряд ли дело дойдет до стрельбы.

Март месяц, холодно, промозгло, кожаная куртка греет слабо, но под свитером плотная про-

кладка с кевларовой начинкой. Павел не стал бы надевать бронежилет, собираясь на это дело, просто он не успел снять защиту. За Молдаванином выезжали в составе усиленной группы, думали взять его в ночном клубе, но просчитались, зря только СОБР поднимали. А вернулись в Управление, Леня Шаров потянул Павла на улицу Толстого. Он верил, что Молдаванин здесь, но бронежилет надеть не удосужился. И группу захвата не запросил. Значит, больше сомневался, чем верил.

Вход в подвал находился с торца здания, дверь под жестяным козырьком открыта, дальше лестница, уводящая вниз, в сумрак потусторонней бандитской жизни.

Павел уже пятый год на оперативной работе в РУБОПе, четвертый год рука об руку с Леной. Сколько уже на его счету таких вот погружений во мрак, и ничего, жив до сих пор и всего лишь один раз ранен. Казалось бы, пора привыкнуть, а все равно дрожь в коленках. Но разгон уже взят. Разгон, который держал в напряжении, не позволяя расслабиться. Набранный темп ни в коем случае нельзя терять, иначе попадешь под пулю. Ушки у Павла на макушке, глаза еще выше, все нужно видеть, все замечать. И очень-очень быстро реагировать на резкие перемены в обстановке.

Дневной свет скудный: лампочка над входом в подвал не горит — не видно, есть ли там люди в глубине лестничной шахты. Но все возможно. Приближаясь к дому, Павел напряженно всматривался в тревожный сумрак, а опасность появилась

со стороны трансформаторной будки, которая находилась чуть правее по ходу движения. Человек в кожаной куртке не вышел, а выскочил из-за угла с пистолетом в руках. Ствол наведен точно на Шарова, осталось только нажать на спуск. Стреляя с двух рук, трудно промахнуться.

Трансформаторную будку Павел держал в поле зрения. Хоть и краем глаза держал, но подозрительное движение заметил. Человек еще только показал свой нос, а Павел уже отреагировал на его появление. Рука нырнула под куртку, пальцы вцепились в рукоять пистолета, выдернули его из кобуры, уложили в ладонь.

Вместе с тем он опознал и самого человека — Вася Фауст, бандит из команды Молдаванина, настолько авторитетный, насколько и отмороженный. Такие сначала стреляют, потом думают.

Павел успевал уйти с линии огня и выстрелить на поражение. Но где-то под коркой колко мелькнула мысль: он-то в бронежилете, а Шаров нет. Первая пуля предназначалась ему, Павел на очереди второй, а стреляет Фауст метко.

Павел не привык лезть без очереди, но сейчас он должен был изменить своему правилу, иначе с Ленькой случится непоправимое. И темп хочешь не хочешь, а надо сбавлять, иначе линию огня не перекрыть.

Сбавляя ход, Павел резко взял вправо и закрыл собой друга. Только тогда он полноценно оценил свое положение. Вася метил в грудь, не в голову, это меньшее из зол, хотя тоже хороше-

го мало. В самый последний момент стрелок мог приподнять руку, но нет, выстрел прозвучал точно в предугаданный момент. Павел как будто даже сумел заметить пулю, мелькнувшую перед глазами, а может, это было одним только его воображением. Нажимая на спусковой крючок, он приготовился к удару в грудь. Приготовился, но едва не лишился чувств от боли, такой силы оказался удар. Как будто кувалдой в грудь врезали. Под грохот выстрела.

На ногах Павел удержался, но руку сильно тряхнуло, табельный пистолет едва не выпал. Но его пуля уже стартовала — не остановить.

Шаров обнял его одной рукой, другой он выдергивал из кобуры пистолет, но стрелять ему не пришлось. Фауст схватился за живот. Оружие он удержал, но стрелять не мог, во всяком случае пока. Острая боль делала его беспомощным, помочь ему никто не спешил, но Леня все же выстрелил на поражение. Правда, промазал. Пуля выбила крошку из бордюра, на который бандит опирался коленом. Но выстрел все же произвел нужный эффект — Фауст вытянул руку, выпустил пистолет и завалился на бок. Он взывал к пощаде, принимая позу лежащего, которого не бьют.

— Не стреляй, — слегка оглушенный выстрелами, сказал Павел.

— Сам знаю!

Павел мог держаться на ногах без посторонней помощи, Леня это понял и, оставив его, поспешил к Фаусту.

Павел справился с болью, разогнулся и поспешил за Шаровым. Остановил он свой разгон, потому и получил пулю, но разве можно об этом жалеть? Как ни крути, он принял на себя удар, предназначенный другу.

Фауст завалился на бок, продолжая держаться за простреленный живот, правая нога у него нервно дергалась — то ли реакция на боль, то ли конвульсияхватила. Озираясь, Шаров подошел к бандиту, пнул брошенный пистолет и спросил:

— Где Молдаванин?

Посматривал по сторонам и Павел. Прозвучавшие выстрелы взорвали спокойствие двора, случайные прохожие спешили по домам, а бандиты, напротив, могли выйти на шум из своего подвала. Но пока никаких подозрительных движений. Павел скользнул взглядом по тропинке, которая, огибая трансформаторную, тянулась к дому на перекрестке двух улиц — магазин там, ларьки. Возможно, Фауст за сигаретами ходил, а на обратном пути заметил опасность, зря он так бурно на нее отреагировал.

— Молдаванин где, спрашиваю? — повторил Шаров.

От нервного напряжения у него вздувались вены — одна на шее, другая на лбу. Шея сильная, лоб массивный. Плотные прямые надбровья, маленькие, глубоко посаженные глаза, нос короткий, крепкий, сколько ни бей по нему, кровь не пустишь. И руки у Шарова коротковатые, так же как и его кривые, колесом, ноги. Но руки у него

сильные, и на ногах он держался крепко, а бегал быстро.

— Не ответит он, — качнул головой Павел.

Боль от груди растеклась по животу, он с трудом дышал, перед глазами расплывались круги, но бронежилет не пробит, проникающего ранения нет, угрозы для жизни тоже. Другое дело — Фауст, его тело, казалось, покидала не только кровь, но и сама жизнь. Он еще не потерял сознание, но уже ничего не соображал.

— «Скорую» вызывать надо... Если не поздно, — немного подумав, добавил Павел.

— Да пусть сдохнет, — сквозь зубы процедил Шаров.

— Я не против.

Бандиты — они, может, и люди, но без них город станет чище. Павел гордился тем, что работал над этим. И если вдруг Фауст загнется, оплакивать его и свой перед ним грех не станет.

— Хорошо ты ему влепил, — усмехнулся Шаров.

Фауст захрипел, разогнулся в пояс, отнимая окровавленную руку от живота, дернулся, как разжавшаяся пружина, и, выпрямив ноги, затих. Шаров склонился над ним, приложил два пальца к шее и цинично хмыкнул:

— Я бы сказал, очень хорошо.

— И где же Молдаванин? — спросил Павел, выразительно глядя на друга.

Нападение они отбили, но дело не сделано, нужно двигаться дальше. В подвале их могла ждать

засада. Шаров это понимал, но поднялся и пошел. Набрал разгон и Павел.

Но в подвале они обнаружили только двух пареньков из молодой поросли, глаза у них уже волчьи, но души еще заячьи. Оперов они встретили тихой, слегка шипящей ненавистью, но это не смертельно и даже не болезненно.

Павел и хотел бы провести профилактическую беседу, но ведь не послушают они молодого капитана. Он — бывалый опер, и у начальства на хорошем счету, и бандиты о нем знают, но до начальника отдела ему еще далеко. Подполковник Еникеев — старый волкодав, взгляд у него — кровь в жилах стынет, слово скажет — мурашки по коже. Бандиты трепетали перед ним, боялись и уважали. Павел тоже хотел быть таким, более того, сегодня еще на один шаг приблизился к своему идеалу. И пулю бандитскую на себя принял, и лучшего друга спас...

* * *

Печка старая, тяга слабая — дыму много, а тепла мало. И с провизией туго — черствый хлеб, пересоленное сало, дрянная тушенка, чай без сахара. Но лучше так, чем хлебать баланду в казенном доме. И мерзнуть в холодном кондее. Молдаванин хорошо знал себя, он ведь с ментами на тюрьме не уживется, в лучшем случае нахамит или даже морду набьет, а это прямая дорога в карцер на хлеб и воду. Уж лучше в старом доме с плохим отоплением коптиться, чем на «хате» париться.

Молдаванин лежал на кровати, забросив руки за голову, в голове каша из воспоминаний и планов на будущее. Восемь лет он уже в движении, как заварился в самом начале девяностых, так до сих пор в теме. Начинал с мелочи: собрал в стаю своих друзей, бросил вызов Маклаю, сначала снес его, затем Увара, в девяносто пятом взял под себя весь Горовец. В том же году присел на пару лет. Подполковник Еникеев показал свою власть, взял его со стволом на кармане и довел дело до суда. На хозяйстве остался Унтер, и, надо сказать, не подвел, удержал власть. Фауст ему в этом очень здорово помог.

Но и Еникеев не сидел сложа руки. Унтер при нем вел себя ровно, старался не отвечивать. Может, и неправильно это, зато Молдаванин держал город крепко. Из тюрьмы делами рулил, потом на волю вышел. Еникеев предложил ему сделку: или он ведет себя тихо, или снова за колючку. Молдаванин послал его к черту и пошел дальше с высоко поднятой головой. Класть он хотел на мусоров, на их глупые хотелки.

Еникеев попытался его прижать, но Молдаванин окружил себя непроходимой охраной и крутыми адвокатами — ни одна собака не подступится. Но Еникеев не сдавался и раскрутил-таки давнее убийство с его участием. И свидетель у него нашелся, и постановление на арест появилось. А еще спецназ из Москвы подтянулся. Короче, попал Молдаванин в переплет. Но работа идет, к свидетелю уже подобралась вплотную, еще не-

много, и с ним решат основательно, раз и навсегда. И на Еникеева управа найдется. А Молдаванин дальше будет свои владения окучивать, в планах у него большой легальный бизнес, идея — основать свою собственную сеть продовольственных магазинов и этим прессом выжать из города всех торгашей. Барыги наглеть стали, платить не хотят, чуть что, в РУБОП жаловаться бегут, а Еникеев и рад стараться...

К дому подъехала машина. Двигатель работал тихо, только колеса по гравию шуршат. Менты об этом схроне знать не могли, но Молдаванин все-таки сорвался с места. В доме никого, никто не видит его смятение, поэтому он вполне мог дать волю своим эмоциям.

Тревога оказалась ложной, из новенькой иномарки выходил Веня Стив — холеный, модный, с иголки одетый. И должность у него такая же модная — финансовый директор. У Молдаванина язык не поворачивался называть его своей правой или левой рукой, не дорос он еще до такой высоты, но без него никак. Не зря же знает засекреченный адрес. И ментов на хвосте у него нет, Молдаванин уверен в этом. Стив, он ведь не из пустоты вынырнул, в деле с самого начала, совсем еще молодым был, школу оканчивал. И в институте успел отучиться, диплом экономиста получил, сейчас он — важное звено в системе, через него проходят все финансовые нервы, и общая касса на нем. Может, и не внушительной он внешности, на ринге, откровенно говоря, слабоват, но дело свое знает.

И за восемь лет ни разу не подвел. И не предал. Может, он и пижон, или пижор, как называл его неотесанный Фауст, но Молдаванин ему доверял как самому себе.

Стив открыл багажник, вынул оттуда большую спортивную сумку. И по сторонам зыркнул, как будто в сумке лежали стволы, а по дачному поселку кружили ментовские «луноходы» с мигалками — в поисках крамолы. Но не было здесь ментов, а дачников — раз-два и обчелся. Март месяц — не сезон.

— Все путем? — спросил Молдаванин, открывая дверь.

Он стоял как вкопанный, как будто и не собирался пропускать гостя в дом.

— Фауста убили, — коротко ответил Стив.

— Как это? — Молдаванин не смог сохранить спокойствие.

И с места сдвинулся, освобождая проход.

— Менты положили.

— Кто?

Другой бы на месте Стива замялся, пожал плечами. Действительно, какая разница, кто именно убил, главное, что это сделали менты. Даже не важно, при каких обстоятельствах. Но Стив старательно поддерживал репутацию всезнайки, поэтому сопли жевать не стал.

— Капитан Черкасов.

Стив прошел в комнату, поставил сумку на пол, вынул оттуда один пакет с продуктами, другой... Мог бы их и в руках принести, но нет, у него все в

стиль и цвет, а пестрые пакеты не подходят к его темной одежде. Пестрые пакеты для него — признак расхлябанности. А черная спортивная сумка и с костюмом гармонировала, и на фоне машины хорошо смотрелась.

Тараканы в голове у Стива, но крысы в душе вроде бы не водятся. Иномарка — да, новая, шестьсот деноминированных «штук», но Стив эти деньги заработал честно. Во всем себя урезал, по кабакам не гулял, с проститутками не шиковал, жил с родителями, чтобы на квартиру не тратиться. В одном себе отказать не мог — в презентабельном прикиде. И все мечтал о новенькой машине.

Мечта его сбылась после дефолта, когда доллар скакнул в пять раз, а «Тойота» из старой непроданной партии осталась в прежней цене. Владелец салона не дурак, он и хотел бы поставить новый ценник, но пацаны популярно объяснили ему, что так делать нельзя. Стив сам попросил их об этом, Молдаванин не вмешивался. И не возражал.

— Как?

— Тебя на Толстого искали, а там Фауст оказался. Может, он подумал, что ты там в подвале, схватился за вольну. Ну Черкасов его и приземлил.

— Черкасов, Черкасов... — вспоминая, задумался Молдаванин.

— В девяносто шестом Костыля и Сапу принял, Дутого брал, на пулю нарвался, но не сдох, выжил. А сейчас его броник спас...

— Значит, Фауст не промахнулся?

— А у Фауста броника не было.